

Джулиан В. КОННОЛЛИ

Иван Бунин и Восток: поэтическая встреча

Если представление о Буине основывать на том, что написано о его творчестве, может показаться, что с 1903 по 1909 год он исчезал из литературной жизни. И о раннем творчестве Бунина *, и о созданном им начиная с 1909 года до самой смерти писали много, но короткому промежутку времени с 1903 по 1909 годы ** внимания уделялось сравнительно мало. Причина такого пренебрежения в том, что небольшое из написанного Буниным за эти годы может сравниться с повестью «Деревня», которая с 1910 года заняла центральное место в критических исследованиях. Тем не менее недостаточное внимание к данному периоду должно быть восполнено. Если сравнить созданное Буниным в 1900—1902 годах с рассказами и повестями 1909—1912 годов, становится заметной разница в масштабе и характере изображения. Совершенно очевидно, что тот Бунин, который написал «Деревню» и «Суходол», обнаруживает более четкое и более глубинное видение, чем Бунин, писавший символические и несколько неопреде-

---

* Ср., в частности: *Кучеровский Н. М.* О концепции жизни в лирической прозе И. А. Бунина // Русская литература XX века (Дооктябрьский период). Калуга: Тульский гос. пед. институт, 1968. С. 80—106; *Крутикова Л. В.* «На край света» — первый сборник рассказов И. Бунина // Вестник Ленинградского университета. 1961. № 20. С. 77—80; *Динесман Т. Г.* По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Ч. 2. С. 121—138.

** Из немногих критических работ об этом периоде наибольшего внимания заслуживают: *Кучеровский Н. М.* Эстетическая сущность философских исканий И. А. Бунина (1906—1911 гг.) // Филологические науки. 1969. № 6. С. 25—35; *Бесчеревных Ю. С.* Поэзия И. А. Бунина 1903—1906 гг. // Известия Воронежского гос. пед. института. 1971. № 114. С. 69—80.

ленные импрессионистические картины в 1900—1902 годах *. Таким образом, с 1903 по 1909 годы в мировоззрении автора произошел важный процесс духовного обогащения, и этот период требует пристального внимания.

Наиболее существенным фактором, повлиявшим на мировоззрение Бунина в эти годы, было знакомство со Средним Востоком, сначала во время поездки в Константинополь в 1903 г., а потом во время путешествия 1907 г. Обе поездки, связанные с изучением религии и культуры, раскрыли Бунину особый мир человеческих переживаний и стремлений, что помогло ему еще лучше понять природу национальной судьбы и человеческого бытия **. Написанное Буниным до поездки в Константинополь говорит о том, что писатель оказался в жизненном и творческом тупике. В «Соснах» (1901) и в «Тумане» (1901) он поднимает, но не разрешает, основные вопросы бытия, вопросы о тайнах жизни и смерти ***, а в «Эпитафии» (1900) и в «Золотом дне» (1901) изображает постепенный упадок традиционного уклада русской жизни. Тем не менее, сблизив загадку смерти и вопрос о грядущих социальных переменах, Бунин не знал, как решать эти проблемы. Именно в этот переломный момент своей жизни **** он впервые отправился на Средний Восток.

* Термин «mood paintings» использован Томасом Уиннером: *Winer T. Some Remarks about the Style of Bunin's Early Prose // American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists. The Hague: Mouton, 1968. II. P. 370.*

** Жена Бунина рассказывала, что его первый визит в Константинополь был «одним из самых важных, благотворных и поэтических событий в его духовной жизни» (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина: 1870—1906. Париж, 1958. С. 146*). Путешествие вообще было для Бунина поистине значимым событием. Однажды он сказал своей жене, что «всякое путешествие очень меняет человека» (*Муромцева-Бунина В. Н. Беседы с памятью // Грани. 48 [1960]. С. 126*). О значении путешествий в жизни и творчестве Бунина см.: *Richard D. J. Comprehending the Beauty of the World: Bunin's Philosophy of Travel // The Slavonic and East European Review. 1974. LII. № 129. October. P. 514—532.*

*** В «Соснах», например, рассказчик пристально смотрит на могилу крестьянина и говорит: «Я долго силился поймать то неуловимое, что знает только один Бог, — тайну ненужности и в то же время значительности всего земного» (*Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 2. С. 219*). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

**** Возможное отражение этого переломного момента можно найти в стихотворении Бунина «На распутье» (1900), где есть такая строка: «Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...» (I, 125).

Лучшее доказательство эволюции мировоззрения Бунина с 1903 по 1909 годы — его собственное творчество. Хотя Бунин в это время почти прекращает писать прозу, с 1907 по 1909 год он публикует несколько путевых заметок и, что наиболее важно, к этому периоду относится большое количество стихов. Исследователи Бунина часто игнорируют его поэзию, но такое пренебрежение несправедливо, ведь сам Бунин придавал ей первостепенное значение * и считал ее способом выражения своих самых сокровенных мыслей **. Особенно остро это чувствуется в лирике рассматриваемого нами периода, которая указывает на значительную эволюцию в мировоззрении Бунина по трем основным направлениям. Во-первых, нужно отметить его интерес к религиозным обрядам народов Востока. Во-вторых, к автору приходит сознание разрушений, наносимых временем. Для Бунина стоит не только вопрос о смертности человека, но и вопрос о бренности цивилизаций. И, наконец, у Бунина возникают мотивы духовного преодоления человеком разрушительной силы времени. Цель данной статьи — определить, как эта эволюция отразилась в поэзии Бунина, и обозначить ее воздействие на его дальнейшее творчество.

Рассмотрим сначала интерес Бунина к религиозным верованиям различных народов Востока. Перед своей первой поездкой в Константинополь Бунин впервые прочитал Коран ***. Позже, готовясь к путешествию в Священную Землю ****, он занялся изучением Библии и Корана, а также второстепенных источников. Все это сразу же оказало значительное влияние на его поэзию. К этому периоду относятся стихи не только с библейскими сюжетами («Самсон», «День гнева», «Сын человеческий», «Сон») и сюжетами, почерпнутыми из Корана («Авраам», «Ковсёр», «Ночь Аль-Кафра», «Тэмджид», «Тайна», «За измену», «Птица»), но и стихи, основанные на мифах древнего мира. Так, «Ат-

* Однажды Борис Нарциссов спросил Бунина: «Кем вы себя считаете: прозаиком или поэтом?» Бунин ответил: «Поэтом» (*Нарциссов Б. Бунин — поэт // Новый журнал. 1974. Кн. 114. С. 208*). Ср. также: *Андрей Седых. И. А. Бунин // Андрей Седых. Далекое, близкое. Нью-Йорк, 1962. С. 233*.

** Это продолжалось до эмиграции Бунина из России в 1920 году, после которой лирическая проза, казалось, заменила поэзию (ср.: *Зайцев К. И. А. Бунин. Жизнь и творчество. Берлин, 1934. С. 201*).

*** *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. С. 143*.

**** *Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1967. С. 107—108*.

лант» и «Океаниды» основаны на греческой мифологии, стихотворения «Стон» и «За гробом» — на египетской, а «Ормузд» и «Потоп» связаны с легендами Персии и Вавилона. Увлечение Бунина мифами и религиозными преданиями Востока действительно заслуживает внимания, ведь именно благодаря ему у писателя все более возрастает интерес к проблемам национального характера и национального сознания *. И действительно, когда в начале 1910-х годов Бунин вернулся к описанию русского общества и русского характера, именно интерес к особенностям русской души отличает его новые произведения от зарисовок русского быта 1890-х годов **. Народные легенды неизменно отражат душу нации. И так же, как в 1903—1909 годах Бунин через предания Востока стремился познать национальный характер создавшего их народа, так с 1909 по 1916 год погрузится он в культурное прошлое своей страны — религиозную литературу, исторические хроники, сказки, эпос, — чтобы постичь, чем живет русский человек и что движет им ***.

Во время путешествия по Востоку Бунина особенно впечатлила глубокая вера простых людей, живущих в самых суровых природных условиях. Восхищение этой верой звучит в стихотворении «Тонет солнце, рдяным углем тонет...» (1905). Оно начинается с описания приготовлений к молитве «пастухами пустыни», которые далее провозглашают:

Разверни же, Вечный, над пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звезд небесных — наш Коран!

-
- * Этот интерес отражается и в путевых заметках Бунина, в которых он рассказывает о религиозных обрядах местных жителей, например, о танце дервишей в Стамбуле или о молитве евреев у Стены Плача, и свободно рассуждает о характере и истоках их верований. Так, он пишет о первобытной простоте ислама, зародившегося в пустыне (III, 328).
- ** Так, в 1911 году он сказал одному собеседнику: «Я не стремлюсь описывать деревню в ее пестрой и текущей повседневности. Меня занимает главным образом душа русского человека <...> изображение черт психики славянина» (IX, 536).
- *** В прозе см.: «Деревня», «Суходол», «Иоанн Рыдалец» (1913) и «Аглая» (1916); в поэзии см.: «Святой Прокопий», «Сын епископа Игнатия Ростовского» и «Матвей Прозорливый». О народных элементах в творчестве Бунина см.: *Померанцева Е. В.* Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Ч. 2. С. 139—152; *Смирнов Н. П.* Русская древность и фольклор в поэзии Бунина // Там же. С. 408—411.

И, склонив колени, мы закроем
 Очи в сладком страхе, и омоем
 Лица холодеющим песком,

И возвысим голос, и с мольбою
 В прахе разольемся пред тобою,
 Как волна на берегу морском (I, 217).

В простых образах * Бунин описывает величественное слияние религиозного порыва странников пустыни с природой. Эти люди живут с ней в гармонии, и так же, как звездное небо, кажущееся им священным Кораном, все в мире природы имеет для них глубокий смысл **. Такая простая вера остается для Бунина идеалом, а духовный подъем жителей пустыни в этом стихотворении предвосхищает религиозный порыв горцев на склонах Монте Соляро в «Господине из Сан-Франциско» ***. Очень существенно, что именно утрату такой веры и близости к природному началу Бунин в своих более поздних произведениях свяжет с окончательным вырождением российского общества ****.

Однако уже в период с 1903 по 1909 годы радостное созерцание пламенной веры омрачается у Бунина сознанием того, что духовность и вера разрушаются в современном мире; отсюда — скорбные ноты в его лирике *****. Основная причина вырождения веры, как показывает Бунин, заключается в том, что сила,

* В отличие от многих своих современников Бунин избегал большого количества необычных подробностей при передаче местного колорита в стихах о Востоке. Об особенностях художественных приемов Бунина см.: *Тартаковский П. И. Поэзия Бунина и арабский Восток // Народы Азии и Африки. 1971. № 1. С. 111, 115.*

** В изобразительной системе Бунина два элемента — ночь и море — наделены богатыми ассоциациями. Ночь служит художественным образом, выражающим чувства и духовные открытия, в то время как море ассоциируется со стихийными силами природы (ср. «Титан», 1901, «Господин из Сан-Франциско», 1915 и «Ночь», 1925).

*** Личные духовные убеждения Бунина не находят отражения в его произведениях того времени, но как поэзия, так и прозаические наброски говорят о том, что им руководил глубокий пантеистический порыв. В одном из отрывков он пишет: «Будем служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает все сущее» (III, 435).

**** Более подробно об этом явлении см.: *Woodward J. Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 36—67.*

***** Ср. стихотворение «Люцифер» (1908), в котором Бунин изображает упадок главных религий Египта, Израиля и христианского мира.

подрывающая все человеческие стремления, — это неуловимое движение времени. Его разрушительная сила становится важной темой еще в раннем творчестве Бунина. Можно отметить, к примеру, его воспоминание об уходе размеренной спокойной жизни в «Антоновских яблоках» (1900) или сожаление об исчезновении традиционного крестьянского быта в «Эпитафии» (1900). Но постижение Востока приводит Бунина к новому, более глубинному пониманию разрушительной силы времени. Повсюду на Востоке он видит с поразительной ясностью свидетельства губительной силы времени и сознает, что гибель народов, даже целых цивилизаций — неизменный факт человеческого существования, неизбежный этап бесконечного земного круговорота созидания и разрушения. В результате его поэзия полна образами гибели главных городов Востока, являющих собой метафоры целых народов и наций*.

Наиболее показательные примеры интереса Бунина к теме падения человеческих цивилизаций мы можем найти в стихотворениях об исторической судьбе Древнего Египта — «Ра-Озирис, владыка дня и света...» (1905) и «Каир»**. В первом стихотворении Бунин изображает закат величия Древнего Египта, осколки культа бога Ра; он завершает стихотворение картиной разрушения, которая напоминает последние строки поэмы Шелли «Озимандиас»:

...письмена в куски разбитых плит,
Да обелиск в блестящей политуре,
Да пыль песков на пламенной лазуре*** (I, 218).

Во втором стихотворении Бунин пишет о трех эрах истории Каира, подчеркивая, что каждая из них обречена на гибель и забвение:

Английские солдаты с цитадели
Глядят за Нил, на запад. От Али

* Ср. стихотворения «Иерусалим» (1907), «Стамбул» (1905) и «Каир» (около 1906—1907).

** Интерес к Древнему Египту проявляли и другие писатели того времени, от Брюсова до Белого.

*** Стихотворение Шелли заканчивается так: «...Round the decay / Of that colossal wreck, boundless and bare / The lone and level sands stretch far away». В то время Бунин сильно увлекался творчеством английских поэтов-романтиков, особенно творчеством Байрона. О влиянии Байрона на творчество Бунина см. мою статью на эту тему: Bunin's «Petlistye ushi»: The Deformation of a Byronic Rebel // Canadian-American Slavic Studies. 1980. XIV. № 1. P. 52—61.

До пирамид, среди долин, в пыли,
Лежит Каир. Он сух и сер в апреле.

Бил барабан и плакал муэzzин.
В шафранно-сизой мути, за пустыней,
Померк закат. И душен мутно-синий
Вечерний воздух. Близится хамсин.

Веселыми несметными огнями
Горит Каир. А сфинкс от пирамид
Глядит в ночную бездну — на Апит
И темь веков. Бог Ра в могиле. В яме (I, 298).

Движение стихотворения поворачивает время вспять от современной Бунину эпохи колониального правления к образам древней цивилизации фараонов. С каждой строчкой становится все более ощутимой атмосфера застоя и смерти, которая усиливается ритмикой стиха. Сжатые, лаконичные фразы Бунина нагнетают впечатление тяжести, и оно достигает своего пика в конечной строке стихотворения, где ряд из трех отдельных фраз заканчивается словами «В яме», сокрушительными в своей простоте и законченности. Они — точно последний гвоздь, забиваемый в гроб бога Ра.

С образом Ра связаны центральные символические смыслы. Поскольку Ра был великим египетским богом солнца, фраза «Бог Ра в могиле» вызывает двойную ассоциацию: это упадок древней египетской цивилизации и заход вечернего солнца. Солнце часто используется в поэзии Бунина как основной символ жизни, поэтому оба смысла, вкладываемые в образ Ра, гармонично сливаются воедино*. Образ заходящего солнца, впрочем, присутствует не только в последней строфе. В самом деле, описание ночи в заключительной строфе — это кульминация движения, намеченного в первой строфе, где говорится о солдатах, смотрящих «на запад», и ставшего явным/проявленным во второй строфе, в словах «Померк закат». Стихотворение Бунина говорит о том, что все три эры в истории Египта — период британского правления, господство ислама** и языческий Древний Египет — связаны с неминуемым угасанием света, неизбежным разрушением и смер-

* Среди прочих стихотворений, где свет и солнце ассоциируются с жизненной силой, см. «Бальдер», «Храм солнца» и «Мира».

** Тартаковский трактует плач муэzzина как печаль, вызванную падением бога Ра и правлением британцев в Египте. Этот плач действительно отражает боль по поводу исчезновения счастья в Каире, но едва ли имеет такой узко-политический оттенок. У человека исламской религии нет основания оплакивать падение религии языческой.

тью. Конечно, «ночь» спустилась уже на Древний Египет, и уже сфинкс вглядывается в «темь веков», хотя новые правители Каира, английские солдаты, просто смотрят «на запад», как будто и не подозревая, что приготовил для них западный горизонт. Однако любой человеческой власти, как и вечернему солнцу, должен прийти конец, и ее заменит другое, пока неведомое жизнеустройство.

Итак, в середине 1900-х годов Бунин признал, что распад и разорение — неизбежная участь каждой цивилизации. Это оказало значительное влияние на его творчество, когда в 1909 году он вернулся к изображению русского общества. В «Антоновских яблоках» и «Эпитафии» Бунин очень тонко и лирично рассказывает о разрушении традиционного уклада русской жизни; новые произведения, например «Суходол», выявляют более глубинное осмысление истории. Затрагивая далекое прошлое России, эти произведения трактуют процесс упадка страны как динамическое движение, которое характерно для жизни любого общества и вызывается как внешними обстоятельствами, так и внутренними причинами*. Хотя трудно установить прямую зависимость между пониманием Буниным русского общества и его осознанием Востока, но параллели между теми и другими все же очень важны. Временами этот параллелизм заявлен почти открыто: в «Деревне», например, Тихон Красов, говоря об упадке в русской провинции, делает такое замечание: «совсем опустели наши палестины!» (III, 42)**.

С другой стороны, разрушенные великие цивилизации Востока дали толчок не только мрачным размышлениям о человеческой бренности. Действительно, сколь бы ни были всеобщи образы гибели, далеко не всегда они получают негативное звучание. Руины прошлого свидетельствуют о разрушительности времени, но они же хранят память о том, как по земле, где ходит сейчас писатель, когда-то ходили другие люди со своими чувствами и мечтами, и эта мысль, казалось, воодушевляла Бунина. Его поэзия 1903—1909 годов доказывает, что созерцание памятников прошедших эпох вело поэта к сближению с душами давно умер-

* Так, в «Суходоле» повествователь размышляет о том, в чем причина разрушения его семейного счастья: «Не в том ли, что гибель вырождающегося суходольца шла как раз навстречу его душе, его жажде гибели, самоуничтожения, разора, страха жизни?» (III, 426).

** В других произведениях тема упадка русского общества принимает библейское звучание (ср., например, апокалиптическое видение в конце рассказа «Я все молчу» — I, 913).

ших людей, их сотворивших. Это чувство родства вселяло в него надежду, что не все следы жизни теряются за пределами смерти, что человеческая душа может бросить ей вызов и преодолеть забвение.

«Надпись на чаше» (ок. 1903 г.) представляет собой раннюю трактовку этой темы. Центральный образ стихотворения — найденная у моря чаша, надпись на которой гласит, что на земле вечны только море, небо, солнце, земля, и «то, что связует незримую связью Душу и сердце живых с темной душою могил» (I, 190). Эта чаша, «видимое» связующее звено между прошлым и настоящим, свидетельствует как о бессмертии природы, так и о вечности «незримой связи» между душами живых и душами мертвых. В этой идее, основной для Бунина, живет надежда на то, что после смерти жизнь не исчезает бесследно, а, скорее, приобщается к неосязаемой духовной вечности *. Как ни парадоксально это звучит, но в произведениях Бунина останки, найденные в могиле, свидетельствуют о бессмертии человеческого духа, и зачастую именно рядом с могилой наиболее остро ощущается присутствие усопших **.

Действительно, именно могила у Бунина становится местом самых ярких сцен проявления таинственных связей между живыми и мертвыми. В стихотворении «Могила в скале» Бунин рассказывает об одной египетской гробнице, где в пыли был обнаружен «живой и четкий след ступни». Поэт — «путник», который является свидетелем этого открытия, — теперь воссоздает в своем воображении давнее событие:

Был некий день, был некий краткий час,
Прощальный миг, когда в последний раз
Вздыхнул здесь тот, кто узкою стопою
В атласный прах вдавил свой узкий след (I, 319—320).

В последних двух строчках таинственная связь между мгновением, ушедшим в прошлое, и настоящим внезапно выходит на первый план: «Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет Умножил

* Значение этого стихотворения в творчестве Бунина лучше всего отмечает Серж Кзыжицкий (*Krzyzyski S. The Works of Ivan Bunin. The Hague: Mouton, 1971. P. 241.*)

** Так, в конце «Суходола» Хрущев говорит о кладбище, на котором похоронены его предки: «Чувствуешь даже жуткую близость к ним» (III, 186). П. Коган прокомментировал эту черту бунинского творчества, написав: «Для него могилы — свидетельство жизни» (*Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы: В 3 т. М., 1910. Т. 3. Вып. 1: Современники. С. 122.*)

жизнь, мне данную судьбою» (I, 320). Бунин остро чувствуют эту невидимую связь между душами живых и мертвых и воскрешает в своем отзывчивом сознании ощущение, пережитое много веков назад*.

Для Бунина процесс такого воскрешения очень важен, так как позволяет преодолеть разрушительные силы времени. Позднее он скажет, что мечту о своем собственном бессмертии он объясняет способностью творческой фантазии возрождать, а также сохранять жизнь прошлого. В стихотворении «Этой краткой жизни вечным измененьем...» (1917), например, он пишет о будущих поэтах: «Стану их мечтами, стану бестелесным, Смерти недоступным, — призраком чудесным...» (I, 450). Как утверждается в стихотворении «Могила в скале», явление чувственного воскрешения возвращает жизнь не только усопшим, — оно продлевает жизнь и того, кто это воскрешение творит. Чувствуя, что его жизнь продлена на пять тысяч лет, Бунин преодолевает — по крайней мере, на мгновение — брэнность своей собственной плоти. Это еще одно переживание, которое он впоследствии творчески осмыслит. В очерке «Ночь» Бунин признается: «Всю жизнь, сознательно и бессознательно, преодолеваю, разрушаю я пространство, время, формы. Неутолима и безмерна моя жажда жизни...» (V, 305).

Стихотворения, которые Бунин написал с 1903 по 1909 годы, показательны не только для того времени — они также обозначают пути дальнейшего развития бунинского творчества. Лирика этого периода заслуживает нового осмысления. В ней — корни понимания творческой эволюции Бунина в годы относительного молчания Бунина-прозаика, доказательство того, что они не были периодом вялости и застоя. Напротив, эта поэзия обнаруживает, что бунинское исследование Востока принесло ему более глубокое понимание национальной судьбы, национального характера и бессмертия человеческой души. Период с 1903 по 1909 годы был переломным моментом в творчестве Бунина, и стихи, которые он написал в это время, указывают на спасительный путь от растерянности и неуверенности к новым творческим победам.

* Похожий момент эмоционального соприкосновения с прошлым описан в путевом очерке «Свет Зодиака» (1907; ср. III, 355), но в прозе не упоминается ни о «воскрешении», ни о «продленной» жизни.